

АНДРЕЙ ДРАГУНОВ

Садово-парковый пейзаж

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Драгунов

Садово-парковый пейзаж

«Издательские решения»

Драгунов А.

Садово-парковый пейзаж / А. Драгунов — «Издательские решения»,

Теперь, когда так много за стеклом, — даже деревья кажутся родными — почти как дети — видимо, о том соседи по подъезду говорили, настаивали даже. Целый год прошёл с тех пор, как должен был я сгинуть, оставив на бумаге лишь приплод — в двух-трёх словах, что не стреляют в спину.

Содержание

«Когда сквозь ветки смотришь на луну...»	7
«Что тебе не сидится дома – тепло и сухо...»	8
«Я пытался уехать из города, где я родился...»	9
Стул	10
Дом на улице Чайковского	11
Покидая Италию	12
Продолжение сна	13
Перемена места	14
Козлиная песня	15
«Проснувшись утром, видишь за окном —...»	16
«Когда огонь, израненный дождём...»	17
«Когда я был в саду, то вдруг увидел...»	18
«Я слышал звук, проснувшись этой ночью...»	19
«Осень считает дни, оставшиеся до зимы...»	20
«Осень приходит так, как под утро снег —...»	21
«За окном квартиры снова дождь...»	22
«Звон с колокольни завершает день...»	23
Из писем к...	24
«Я ехал за город, к друзьям, на выходной...»	25
Одному композитору	27
«Уже который год не выхожу из дома...»	28
«В соседнем доме хоронили старика...»	29
«Я отправил обратно тебе твои письма. Прочти...»	30
Сентябрь	31
«Когда в огне сгорает ветка ели —...»	32
«Ночью, когда почти что сойти с ума...»	33
«О, бессчётный гербарий, спрятавшийся в лесу!»	34
Как будто осень...	35
«Ночью в городе тихо, как будто бы в рот воды...»	36
«Вот и осень кончается. Снова безденежье. Ветер...»	37
«На вокзале пусто. Дремлющий полицейский...»	38
«...в пустом кафе за длинной стойкой бара...»	39
«Последний трамвайчик от пристани в 20.00...»	40
«Крашеной известью пеной переливается речка...»	41
После получения почты...	42
«Фонарь наддверный начал угасать...»	43
«Помню, давно это было – я ждал на вокзале...»	44
«Я помню, на пристани было одно заведение...»	45
«Как будто бы и не было зимы...»	46
«Ты закрыла ладошкой глаза – слишком яркое солнце...»	47
Наставление Орфею	48
«Помнишь, Ты сказал, что всё проходит?»	49
«Мой кот Бартоломео слишком стар...»	50
«За несколько дней ни строчки – свалила простуда...»	51
«По запаху никак не распознать...»	52
Прошло полгода	53

«Благодаря листве, двор похож на пустыню —...»	54
Зимовка	55
«Империей правит осень, как снами ночь...»	56
«Едва народившись, светило уходит прочь —...»	57
«Чем беспросветнее утро, тем легче жить...»	58
«Вторую неделю осень. Сплошной туман...»	59
«Я посетил места, где рос, где дом с оградой...»	60
«Звук тихий и глухой —...»	61
Иосиф и Мария	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Садово-парковый пейзаж
стихотворения
Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Когда сквозь ветки смотришь на луну...»

Когда сквозь ветки смотришь на луну,
то кажется – она как будто рядом
с твоим окном... Сентябрьскую игру
ведёт листва за школьною оградой.
И в свете полуночных фонарей,
то бишь луны и звёзд, сквозь ветки сада,
вдруг замечаешь, что идут быстрее
часы, которым никуда не надо
уже спешить... О, суматошный век!
Часы бегут, как школьник на поверку —
успеть к уроку. Старый человек
спешит к автобусу, протискиваясь в дверку,
как в лучший мир, где сухо и тепло,
где листья сквозь деревья пропускают
полночный свет, и оттого светло
в подлунном мире. Осень наступает.

Сентябрь 1 2012 г.

«Что тебе не сидится дома – тепло и сухо...»

Что тебе не сидится дома – тепло и сухо.
География комнаты изучена, как по нотам,
до чернильного пятнышка. Чайник на кухне глухо
ухает, добавляя к твоим заботам
ещё и это. Деревья в окне, как мачты —
только парус сдулся, и облако как-то мимо.
И твоё отражение в пыльном стекле маячит,
точно пестик в колоколе – молча и сиротливо.
И спасение только – уткнутся лицом в подушку.
Может быть, это выход, чтоб не бежать из дома.
Или из репродуктора старый романс послушать
в исполнении той, кто была тебе так знакома.
Или лучше выпей из холодильника водки —
лучше не будет, но маленькое помутнение
только на пользу. Осенью день короткий —
оттого-то все мысли путаются от волнения...

Сентябрь 2 2012 г.

«Я пытался уехать из города, где я родился...»

Я пытался уехать из города, где я родился,
но, в конечном итоге, всегда возвращался обратно,
как воскресное облако, смяв за неделю границы
своего пребывания в дальних краях, вероятно.
И как смятое облако в поисках лучшего неба,
я скитался в чужих городах, торговал на базаре,
побирался у храма... И с коркою чёрствого хлеба
спал в обнимку, боясь, чтоб его не украли.
И теперь я вернулся. Прошло, вероятно, полжизни...
Никого не осталось, кто был мне действительно дорог.
И под ноги слетают, жару пережившие, листья...
Скоро кончится год, и покроется инеем город.

Сентябрь 3 2012 г.

Стул

Вот старый стул – и больше ничего
о нём не скажешь... Выцветшая кожа,
протёртая по центру, как окно
в глухой стене, лишь выглядит моложе.
Как много лет он у того окна
встречал гостей, упершись спинкой в стенку,
страдал вместе с «наездником», когда
она кричала что-то про измену... —
свою или его – не разобрать
хранителю той самой старой кожи —
ведь рядом колченогая кровать
их разговор о жизни подытожит,
и всё расставит по своим местам.
А стул в углу, свидетель откровений,
возле окна читает по губам
случайной птицы, как легки мгновенья,
как краток век!.. И что ему стоять
в своём углу, за запылённой шторой
уже не долго, что, увы, летать
ему не суждено... – лишь разговоры
о том о сём – его простой удел.
В окно увидишь только часть картины,
что дополняет лишь обилие тел
в его объятиях, но даже половина
из них не видит, как он постарел,
как выцвела обивка, стёрлись ножки —
он просто стул для сохранения тел...
Ну, может быть, свидетель... – так немножко.

Сентябрь 6 2012 г.

Дом на улице Чайковского

Я блуждал в старом доме, в котором нет места словам
от обилия мебели. Лампа в сплошной паутине
светит так, что не видно углов – только чёрный провал,
точно чёрный квадрат на одной популярной картине.
Здесь, наверное, даже и призрак не смог бы найти,
где находится дверь, или лучше окно с облаками,
чтобы путь оказался короче – земные пути
не всегда достоверны... И даже хорошая память
иногда не спасает от вымысла, как ни крути.
Как ни пробуй протиснуться между диваном и стулом,
чтобы выйти из комнаты... Стрелки рисуют круги
пребывания в доме – так долго, что даже уснула
моя тень в самом дальнем от лампы углу,
где, наверное, раньше хозяин сидел, молчаливо
озаряя пространство, в котором, как в старом стогу,
не отыщешь иголку – она где-нибудь сиротливо
затерялась под ножкой... Но вот – пробивается свет
сквозь закрытые ставни, и тень поспешила вернуться
восвояси. И в дальнем углу, где хозяина нет
уже больше полвека, лишь столик с расколотым блюдцем.

Сентябрь 6 2012 г.

Покидая Италию

Как-то медленно отходит от вокзала
скорый поезд. На расплавленном перроне
три старухи. Ты тогда ещё сказала,
что они как будто чья-то совесть,
заблудившаяся в длинных коридорах
Колизея, не найдя домой дорогу...
Я курю, дым тонет в разговорах.
Поезд движется обратно понемногу.

Сентябрь 7 2012 г.

Продолжение сна

...война, действительно, закончилась сегодня,
и воины, сложив свои пожитки,
спешат домой, чтоб посчитать убытки
от подвигов, в которых тьма Господня
скрывается, как в домике улитка —
до времени, пока в свою дуду
не протрубит «снегирь» полувоенный,
полугражданский... Дети на беду
ещё не выросли... Сказал какой-то пленный,
что это навсегда — вести войну.

Сентябрь 8 2012 г.

Перемена места

Поезд выстукивает «славянку» —
на прощание. Утренняя прохлада
заставляет кутаться спозаранку
в тёплые вещи, а кто-то рядом
спит под простынкой — тепло и сухо.
Чайная ложка в изнеможение
бьётся в стакане. Храпит старуха
на верхней полке, но без движения.
Как-то немыслимо пахнет чаем —
в поезде это особый случай —
за пригоршню мелочи необычайно
вкусное варево — запах тягучий,
смешанный с запахом воблы и водки,
варёной картошки и старых ботинок...
Если поездка и будет короткой,
то хватит надолго дорожных картинок.
И хватит торговков на старом перроне,
вся жизнь для которых — бегущие мимо
вагоны. И ты — наблюдатель в вагоне
им машешь, прощаясь, почти что учтиво.
А после, как будто бы в вечную стужу
вгрызаешься в только что купленный завтрак
холодный, сырой, несолёный к тому же,
но поезд всё дальше уходит на запад,
и высказать что-нибудь — лишь отражёнью
в заляпанном, пыльном вагонном окошке...
Старуха храпит, но опять без движенья.
В стакане болтается чайная ложка.

Сентябрь 9 2012 г.

Козлиная песня

На поле остались раненые – заботы
за шумом победы... Восторженные убийцы
открывают шампанское... Все карты крыты
свежей закуской. Почти счастливые лица.
Знал бы он, поднимая отряд в атаку,
чем всё кончится, видел бы эти лица,
лёжа сейчас в грязи и, как царь Итаку,
вспоминая деревню, но свидеться не случится —
ни ему, ни сотням других, кто в холодной луже
остывает под гром салюта и звон медалей...
но грядущая скоро немая стужа
всё прикроет простынкой до обозримой дали.

Сентябрь 9 2012 г.

«Проснувшись утром, видишь за окном —...»

Проснувшись утром, видишь за окном —
белым-бело – от снега не от света
от фонарей. Хотя ещё темно
должно быть... С наступлением рассвета
все краски переходят в белый цвет.
Лишь чёрный остов спиленных деревьев
маячит на снегу. Холодный свет
их освещает – фонари, как в перьях,
стоят в снегу – немыслимый пейзаж
в начале осени – на юге в это время
заполнен отдыхающими пляж,
и переполнены туристами селенья.
В саду наполнен соком виноград,
свисает с веток, падая на землю...
Молчит под снегом, опустевший сад,
и я смотрю на голые деревья.

Сентябрь 10 2012 г.

«Когда огонь, израненный дождём...»

Когда огонь, израненный дождём,
не угасает до последней капли,
глядишь и думаешь о чём-то о своём,
о жизни, что кончается, не так ли...
О том, что рано облетевший сад,
как дом, оставленный хозяином до срока,
где даже тени меж ветвей глядят
обиженно и как-то одиноко.
О том, что жизнь уже не на двоих,
как было раньше – частые потери
родных и близких, что среди живых
уже не встретишь... И в конце недели
приходишь в старый опустевший дом,
где с потолка холодная водичка
кропит полы, и думаешь о том,
что это не последняя страничка
в твоём писании... И что не навсегда
холодный дождь с потрескавшейся крыши,
и, может быть, прозрачная вода
лишь для того, чтобы на углях слышать.

Сентябрь 12 2012 г.

«Когда я был в саду, то вдруг увидел...»

Когда я был в саду, то вдруг увидел
в окне знакомый силуэт того,
кого лет десять как не слышно имя
среди живых. В распахнутом пальто
он был таким, каким его я помню
в те времена, когда мы по холмам
бродили с ним, и даже тьма Господня
ещё тогда не угрожала нам...
Теперь он там, откуда только тенью,
иль силуэтом за моим окном
напомнить о себе, в недоумении
всех оставляя, будто за бортом...
Теперь, когда, став поселенцем неба,
он вдруг приходит в мой холодный дом,
я накрываю рюмку коркой хлеба
и думаю о нём, как о живом...

Сентябрь 12 2012 г.

«Я слышал звук, проснувшись этой ночью...»

Я слышал звук, проснувшись этой ночью,
как будто мыши прогрызают пол,
но звук из-за окна был, был короче
и вдруг исчез, как спрятался под стол,
как в детстве мы. Похожий на пластинку,
заезженную старую иглой —
звук жил недолго, будто половинка
от целого... и как-то сам собой
он растворился и в ночное небо,
туда, где звёзды преграждают путь,
отправился, где, точно крошки хлеба,
рассыпаны созвездья — как-нибудь...
Я вслушивался в ночь, но только эхо
ночного звука где-то в глубине
ещё звучало... будто бы уехал
он навсегда, оставив эхо мне.

Сентябрь 13 2012 г.

«Осень считает дни, оставшиеся до зимы...»

Осень считает дни, оставшиеся до зимы.
Ветер гонит с полей несобранный урожай.
Ночи опять длинней и долговечнее сны...
А сваренный утром кофе, больше похож на чай.

Сентябрь 14 2012 г.

«Осень приходит так, как под утро снег —...»

Осень приходит так, как под утро снег —
быстро и как-то боком, вдоль стенки дома,
пока не успел проснуться, покуда след
так не заметен на белом, но по-другому.
Но пока под утром колдует в саду листва,
укрывая землю от будущего мороза —
сны продолжают сниться, пока слова —
Милый мой, в школу... — звучат не вполне серьёзно.

Сентябрь 15 2012 г.

«За окном квартиры снова дождь...»

За окном квартиры снова дождь.
Мокрый город ещё спит. Под утро
сладки сны. И утренний галдёж
не сбежавших птиц ежеминутно
в сны вплетается, как будто навсегда
этот дождь и звук его по крыше.
На асфальт сбежавшая вода
с чердака – всё тише, тише, тише
по бордюрам, по ступенькам – вниз,
к озеру, что будто чья-то память
сохраняет отраженья лиц,
точно зеркало, которого руками
не потрогать, не разбить об пол...
Медленно водичка меж деревьев
пробирается, цепляется за ствол,
будто за соломинку, в корнях
согревается и дальше – в тёмный лес,
к озеру, где небо с облаками
отражается, и где из всех чудес —
тишина, как зонт над головами.

Сентябрь 17 2012 г.

«Звон с колокольни завершает день...»

Звон с колокольни завершает день.
Автомобиль под звук из магнитолы
танцует вдоль забора, только тень,
как будто бы не с ним. А светофоры,
как продолжение длинных, длинных фар,
в чьём свете гибнут мотыльки и мошки...
И даже если ты не слишком стар,
передвигаться лучше по дорожке,
держась за поручни. Ещё одна среда
кончается, как вторник, как суббота
в конце концов – банальная игра
календаря... – ненужная работа —
пометка времени – оно всегда вчера,
как вымысел о том, что не случится
с тобой, или с другими – никогда.
И это может только сниться... Сниться.

Сентябрь 17 2012 г.

Из писем к...

Как в средней школе тянется урок,
тянулись дни. Я выходил из дома,
стараясь, покидая свой мирок,
не попадаться на глаза знакомым —
так износился мой домашний вид
с костюмом вместе и рубашкой в клетку —
от клетки так порой в глазах рябит,
что хочется сменить её разметку
на тонкую полоску, но листы
в тетради тоже с клетчатым рисунком.
И даже если по утрам чисты —
напоминают о тюрьме, как будто,
в которую попал... Который год
крою словарь, надеясь на победу
в борьбе с бумагой, но, увы, исход
словесной битвы даже мне не ведом.
Я будто бы на волю отпустил
всех голубей почтовых, но в конверте
не письма о любви – печаль вложил,
надеясь в тайне, что не все мы смертны,
и кто-нибудь прочтёт тетрадный лист...
Туда, вослед, за голубиной почтой
дойдёт не голос даже – только свист,
размноженный в тетради многоточьем.

И может быть тогда, средь облаков,
где обитает разве только ветер,
«запутавшись в скоплении стихов,
я тень знакомую мне встречу»...

Сентябрь 19 2012 г.

«Я ехал за город, к друзьям, на выходной...»

Гости съезжались на дачу.
А. С. Пушкин.

Я ехал за город, к друзьям, на выходной.
Как будто бы погода обещала
хороший день. И никакой другой
приличной мысли не было с начала
моей поездки. Я смотрел в окно —
пейзаж знакомый, но немного разный
в любое время суток, как кино,
что узнаёшь по сокровенным фразам.
Из репродуктора какой-то баритон
уныло напевал про вечер в мае —
любимая, такая же, как он,
была несчастна... Часто прерываем
сюжет был объявлениями в пути —
короткими и рванными. Дорога
определяет, видимо, пунктир
словесной массы в поезде, с порога
в котором место есть всему на свете,
включая о великом разговор,
и о сгоревшей к завтраку котлете.
Я вышел в тамбур покурить, пока
ещё не запретили это делать
в общественных местах, пока рука
держат способна сигарету смело,
не опасаясь форменных подруг,
что ходят по две, видимо, от страха
попасть впросак за эту ерунду —
и месс влажней под кителем рубаха.

Я докурил. Мой силуэт в окне
терялся в дыме, мной же окрылённым
в означенном пространстве на земле
и становился призрачно-вагонным,
как разговор с соседом по душам...
На станции опять сменились люди,
заняв вокруг свободные места,
всё замостив, как в миске жирный студень.

Мне было ехать ровно полчаса.
Я задремал, стараясь прислониться
к оконной раме. Милые места
мелькали за окном. Чужие лица
под стул колёс мой занимали сон,

как лавки в поезде, со мной не церемонясь —
так, видимо, заполненный вагон
влияет на людей. Ни с кем не ссорясь,
Я вышел на перрон. Минуя лес,
дошёл до дачи. Бабушки с грибами
встречались мне – их слабый интерес
к моей персоне объясним местами,
где дачники утаптывают грунт...
Я подошёл к забору – было тихо.
И, кажется, здесь никого не ждут.
Лишь пёс мне рад, хвостом виляя лихо.

Сентябрь 21 2012 г.

Одному композитору

Он пил от боли и от пустоты,
что поселилась в нём... В конце недели
он, распрямив помятые черты,
сдавал посуду, ту, что не успели
прибрать другие. Выходя во двор,
он прятался за редкие деревья,
стараясь не попасть под разговор
соседок вместе с яблочным вареньем
и внуками. Банальная игра,
как догонялки с собственной тенью —
сбежать подальше, скрыться со двора,
не дав соседкам шанс для выступления.
Так шли недели, полные тоски.
Он часто уезжал в соседний город
играть на свадьбах. Ночи коротки
в начале сентября, подстать которым
и эти свадьбы... Он играл для них,
стараясь не забыть движение пальцев
по клавишам, в движении руки
скрывая неуверенность скитальца
по нотным знакам, как в чужих краях,
где раньше обитал, как будто дома,
не путаясь ни в мыслях, ни в словах,
ни в знаках, что с рождения знакомы...
Теперь он стар и кажется ему
нет дела больше до оркестра в яме,
но иногда ночную тишину
он слушает, как будто точно знает
в ней каждый звук. Как будто бы она
одна способна с ним договориться
о вечности... И бледная луна —
единственный свидетель — будет сниться
ему под утро. Медленно во двор
вползает солнце. Сонные соседи
ведут свой ежедневный разговор
о яблочном варенье — всю неделю.

Сентябрь 22 2012 г.

«Уже который год не выхожу из дома...»

Уже который год не выхожу из дома.
Лишь иногда в киоск за хлебом и вином,
за пачкой сигарет с наклейкой про саркому —
как хорошо, что мир кончается окном,
где выцветший пейзаж с той стороны – не рядом.
И мёртвая листва не залетает в дом.
Ворона сквозь стекло своим дотошным взглядом
высматривает, что творится за окном.
Я с ней делил свой хлеб. Крошил на подоконник,
но ветер уносил другим её обед.
За это на меня ворчал наш старый дворник,
а я через стекло кивал ему в ответ.
Так проходили дни, недели... Улетела
в конце концов, ворона. Возможно, навсегда.
На выцветший пейзаж вслед и зима слетела.
А я опять смотрю на это из окна...

Сентябрь 24 2012 г.

«В соседнем доме хоронили старика...»

В соседнем доме хоронили старика.
Три человека рядом, у подъезда
о нём печалились. Один издалека
приехал, видимо – следы от переезда
на нём остались. Пыль всегда есть пыль,
как ни отряхивай... Старик в простой рубахе,
без пиджака, лежал. Должно быть, был
он не сторонник – что ему от праха
хорошей ткани. Голая Душа —
всё, что осталось, да вот эти трое
у дома, где он прожил неспеша
почти что век и даже был героем
очередной неназванной войны.
Как назовут потом – другое дело.
Он отдал всё для маленькой страны,
которую любил так неумело
и так по-детски. И она сполна
ему отвесила – квартирой в этом доме,
где всё и кончилось. И даже не видна
уже луна в его дверном проёме...
Поспешно гроб поставили в авто.
И эти трое, примостившись рядом,
и четверо, как будто бы в пальто,
закутались в железную ограду.

Сентябрь 26 2012 г.

«Я отправил обратно тебе твои письма. Прочти...»

Я отправил обратно тебе твои письма. Прочти
как-нибудь на досуге, что ты написала когда-то,
разметав по странице полжизни, где, как ни крути,
в каждой строчке – один, я один был во всём виноватым.
Я теперь на другом континенте, но даже сюда
иногда долетают слова в полосатом конверте,
что опять я во всём виноват, что сплошная беда
от того, что рассталась со мной на другом континенте,
где сплошные ковбои и мысли, как счётчик в такси —
чик-чирик – новый цент опрокинулся в чью-то копилку,
но не скажешь водителю лихо, как дома – Вези! —
всё равно не поймёт – он с другой части света. В обнимку
в пресловутом кафе, допивая разбавленный ром,
с новым боу`ем, прочти свои письма, как раньше – на память
и, наверно, сожги, оставляя багаж за бортом,
как ненужную кладь на таможне, что не пропустили.

Сентябрь 27 2012 г.

Сентябрь

Если мне доведётся испить эту чашу до дна... —
дописать бы строку и сказать предпоследнее слово,
не лишившись рассудка, или, как в просторечьи – ума,
направляясь туда, где для встречи давно всё готово...
Может быть, в тех краях, повезёт, и я встречу того,
кто мне так нашептал, кто отвесил мне полную мерой
на короткую жизнь, чтобы было, как в старом кино,
где прибытие поезда тонет в натянутых нервах,
ожидających чуда, как в вымысле белых страниц,
что до первого росчерка ручки живут ожиданьем,
или даже предчувствием, что среди множества лиц
вдруг найдётся одно и прервётся бумага молчанье.
Может быть, когда кончится осень, и выпадет снег,
я успею ещё расписаться на белых снежинках
чёрной веткой, упавшей под ноги... Как короток век! —
и особенно осенью в жёлто-зелёных картинках.

Сентябрь 28 2012 г.

«Когда в огне сгорает ветка ели —...»

Когда в огне сгорает ветка ели —
остаток новогодней жизни — утром,
соседи, выпавшись, качают на качелях
своих детей, ворча ежеминутно
на время суток — слишком, слишком рано.
В огне иголки плавятся как будто.
Смола вчера на краешек дивана
стекала с ёлки, застывая мутной
слезой на память. И остаток ночи
она смотрела на огни на ёлке,
что утром выгорают между прочим
и высыхают, как в огне иголки...

Сентябрь 28 2012 г.

«Ночью, когда почти что сойти с ума...»

Ночью, когда почти что сойти с ума
от тишины, зарываюсь лицом в подушку,
теребя простыню, оставшуюся без тебя,
как холодное зеркало трогаю. Ночь в душу
заползает сумрак, стекаясь по всем углам,
как вода из крана, как вымысел – той же ночью,
доводя до абсурда возможность сойти с ума...
Только ночью жизнь оказывается короче.

Сентябрь 30 2012 г.

«О, бесщётный гербарий, спрятавшийся в лесу!»

О, бесщётный гербарий, спрятавшийся в лесу!
Только осень знает, как короток век у листьев,
только ветер знает, куда их потом снесут
на поживу земле холодной, но в этом смысле
человек сгодится не хуже, чем вся листва —
на прокорм цветочкам и прочим банальным мыслям
о величии замысла... И выцветшая трава
дополняет пейзаж, готовый расстаться с жизнью
в середине осени. Капает мелкий дождь,
размывая картину, как кисточкой по бумаге.
И раскисшим утром уже никуда не дойдёшь,
добавляя к дождикам ещё и солёной влаги.

Октябрь 2 2012 г.

Как будто осень...

Вместо осени – как бы опять продолжение лета.
Будто пальцами кто-то цепляется за подоконник,
покидая квартиру до срока. Дымит сигарета,
как листва за забором, что жжёт похмелившийся дворник.
Как бы время уже холодов, но природа покуда
не спешит расставаться с теплом, как с любимым подруга.
Если прав был синоптик, вопя про возможное чудо,
то, возможно, ещё не замёрзнет под снегом округа.
И успеют ещё переехать все птицы подальше,
где тепло календарное и не зависит от чуда
или той болтовни, о которой написано раньше...
Солнце греет. Синоптик вопит про движение круга.

Октябрь 3 2012 г.

«Ночью в городе тихо, как будто бы в рот воды...»

Ночью в городе тихо, как будто бы в рот воды...
Звук, едва появившись, сползает на дно канала,
где среди жизни стираются все следы,
как в холодном зеркале, ночью под покрывалом.
И ночное зеркало чёрной, как смоль, воды
заполняет улица – минус квадраты окон
с их попыткой выжить и избежать беды.
И спасение где-то рядом, но как-то боком.
И вода сползает безмолвно к твоим ногам
по холодному камню, стараясь его разрушить,
добавляя жизни глухим ко всему ночам...
Отдавая должное только бессмертным душам.

Октябрь 4 2012 г.

«Вот и осень кончается. Снова безденежье. Ветер...»

Вот и осень кончается. Снова безденежье. Ветер
наполняет карманы холодным шуршаньем листьев
с облетевших деревьев. В ближайшее время не светит
ничего от издателя – жизнь коротка в этом смысле.
И подруга шепчет, что больше ко мне ни шагу,
ни полшага даже. «Не в этой, – сказала, – жизни»...
Я курю на диване, в который, как в землю, лягу,
но со сроком как-то тянет пока Всевышний.
И отсюда все мысли о воле, о лучшей доле,
о небесном царстве с кисельными берегами...
Но пока бумага терпит мою историю,
я курю на диване, и дым в потолок кругами.
И покуда осень ещё не совсем остыла,
залетая в окно остатками чахлых листьев,
вспоминаю лето с подругой, что так любила,
а теперь осталась лишь тенью в бредовых мыслях.
Я сижу на диване, глотаю осенний воздух.
Облака качаются вместе с забором веток.
Наслаждаюсь жизнью, что выдана мне, как пропуск
без конечной даты, но, видимо, есть она где-то...

Октябрь 5 2012 г.

«На вокзале пусто. Дремлющий полицейский...»

На вокзале пусто. Дремлющий полицейский
выпускает пар – нежарко в безлюдном зале.
Отражение в мутном стекле семейства
напоминает о том, что не все сбежали
в тёплые страны. В билетной кассе
за отсутствием мест – только пыльный остров
из рекламных листовок. К бумажной массе
больше злобы и ненависти, чем вопросов.
Никуда не уехать. Остаётся торчать с семейством
в полутёмном зале, согревая своим дыханием
колоннаду вокзала с дремлющим полицейским,
наслаждаясь ненужным уже расписанием.

Октябрь 6 2012 г.

«...в пустом кафе за длинной стойкой бара...»

...в пустом кафе за длинной стойкой бара.
В такое время мало очевидцев
твоих страданий. Ночь не перестала
в залапанном окне ещё клубиться
и продолжается уже без фонарей,
но с редкими прохожими. Куда-то
спешат субботним утром тем быстрее,
чем выглядят смешней... и виновато.
И как-то боком в собственный подъезд,
где лампочка висит в колечках дыма,
где вещи собраны, как будто переезд
уже сегодня – странная картина
субботним утром... Ты в пустом кафе
глотаешь кофе с чёртиком в стакане.
Не то что пьян – немного под шафе.
С дрожащими от холода руками.

Октябрь 6 2012 г.

«Последний трамвайчик от пристани в 20.00...»

Последний трамвайчик от пристани в 20.00.
Потом или вплавь или крюк в 32 километра.
Или на берегу ночевать, как когда-то Ассоль
в ожидании алого паруса с новым рассветом.
Мы, наверно, успеем с тобой забежать на корму,
и последний трамвайчик доставит нас в город обратно,
а иначе, «сгорев от стыда», лучше я утону,
опустившись булыжником мокрым на дно, вероятно.

Октябрь 8 2012 г.

«Крашеной известью пеной переливается речка...»

Крашеной известью пеной переливается речка.
В октябре только яркие краски имеют смысл
на сером фоне. Где-то над лесом пасущаяся овечка
пробуждает к жизни забытые с возрастом мысли.
И в таком пейзаже думаешь, что недолго
уже мучить каблук, нащупывая дорогу
или что-то подобное. Липнет к спине футболка —
последнее солнце «греет» ещё понемногу,
отступая только перед лиловой тучей,
что, как толстая тётка перекрывает выход
на свежий воздух. И как бы на всякий случай
оставляешь мелочь на блюде. Холодным дымом
тянет с участков, готовых к зиме как будто...
Воображение рисует заснеженный дачный остров
среди голых полей. Новым октябрьским утром
просыпаешься дома, и не задаёшь вопросов,
ожидая рассвета... Можно, конечно, кофе,
если осталось, сварить на холодной кухне,
нарисовать на вспотевшем стекле незнакомый профиль,
от чего, по идее, должно становиться лучше...
Но в окно, сквозь профиль, опять заползает туча,
липнет к рукам, как брошенная жвачка
на скамейке в парке. Опять становится скучно
на белом свете... Такая вот незадача.
И овечка опять сбежала. Опять над лесом
ничего, что хоть как-то могло бы спасти картину
середины осени... Гербарий хрустит под прессом
мусоровоза, собой удобряя глину...

Октябрь 9 2012 г.

После получения почты...

Я сидел на стуле не в силах пошевелиться.
Почему-то казалось – земля из-под ног куда-то...
Потому-то, наверно, слеза не смогла скатиться
далее складки у носа и замерла виновато.
Я смотрел на вещи, разложенные у двери —
это всё, что осталось: тетради, блокнот – на выбор,
да ещё карандаш в стакане – в конце недели
ты его позабыл, собираясь поспешно в Выборг.
Ты хотел уехать на время – забыть обиды...
Да, действительно, время лечит. Порой успешно...
Так, наверно, в салоне красотку обмажут глиной
и в конце сеанса она как бы вновь безгрешна.
Ты хотел на время, а выпала снова вечность.
И уже не спросишь – кто так замостил дороги...
И откуда ветер... но все облака навстречу.
И в холодной жиже опять утопают ноги.
Я смотрел на вещи у двери и мне казалось —
смерти нет, наверно, покуда доступна память.
Карандаш в стакане, тетради... – какая малость,
может быть... но тронь только их руками
и услышишь голос. Не шёпот уже неслышный,
различимый только, когда затихает ветер,
и морозным вечером тише в подвале мыли —
видно знают, что этой зимой ничего не светит.
Я услышу твой голос, и, может быть, даже почта
переправит весточку, будто и нет разлуки...
Посмотри в почтовой корзине – так, между прочим —
там конверт с пометкой – умершему... прямо... в руки.

Октябрь 10 2012 г.

«Фонарь наддверный начал угасать...»

Фонарь наддверный начал угасать
к исходу дня. Зашевелились тени,
стараясь искру малую поймать
огня, чтоб не попасть за двери...

Октябрь 10 2012 г.

«Помню, давно это было – я ждал на вокзале...»

Помню, давно это было – я ждал на вокзале.
Ты не спешила, ждала, что отправится поезд,
пряталась за расписанием, пока не сказали:
«Поезд „Москва-Ленинград“ отправляется в восемь».
Можно букет теперь выкинуть в урну у двери —
так на прощание, видимо, ты не решилась —
взять на себя, одним разом, все в мире потери,
чтобы потом, в окончании, с ним не случилось!
Видимо, всё-таки лучше печать и разлука
в недоумении, в недосказании – просто,
как продолжение, как вековая мука
с переживанием – да! – но уже без вопросов.

Октябрь 11 2012 г.

«Я помню, на пристани было одно заведение...»

Я помню, на пристани было одно заведение,
где баба Шура «на глаз» наливала нам пиво
из какой-то кастрюли. На пристани в полном забвении
пассажиры с кораблика, что по обычаю – мимо
норовит проскочить – все места уже проданы ранее —
наша местность, увы, и на карте означена крестиком —
лишена, как какие-то выселки, даже названия...
Только пиво в кастрюле и булочки с маковым крестиком —
баба Шура готовила. Яйца варила немытые
с пожелтевшей соломою – местные куры стараются
позабавить пивцов, где скатёркой столы не накрытые
лучше всяких кофеен с бюджетом копеечным справятся...
Но теперь бабы Шуры уж нет, как и нет заведения —
говорят, что сожгли... И теперь там харчевня «У пристани».
И кастрюли уж нет. И теперь только пиво трофейное
заливает бокалы, порой, до конца не отмытые.

Октябрь 11 2012 г.

«Как будто бы и не было зимы...»

Как будто бы и не было зимы...
За несколько недель ни крошки снега
не выпало, ни прочей ерунды,
положенной зиме. После обеда
покапал дождь, как будто до конца
решил испортить общую картину,
тем самым смыв трагедию с лица
незимних улиц и наполовину
исправить положение вещей....
Я наблюдал коллизии погоды,
как будто бы в театре – без затей,
стараясь не вникать в сюжет природы.

Октябрь 12 2012 г.

«Ты закрыла ладошкой глаза – слишком яркое солнце...»

Т. З.

Ты закрыла ладошкой глаза – слишком яркое солнце.
И теперь различимы лишь пятна цветные на чёрном —
это будто бы ночью глядишь в небольшое оконце,
различая лишь свет фонаря в окружении мёртвом.
Ночью глаз привыкает с трудом различать силуэты,
а тем более тени, что прячутся где-то в деревьях...
Ты молчишь, как всегда, прикурив от плиты сигарету.
Чтобы дым не сочился, закрыла стеклянные двери.
Ты от солнца закрыла лицо, как бы отгородилась
от ненужного света, от вспышек назойливой лампы
через ветки деревьев... но всё ж ничего не случилось —
солнце светит... И жизнь продолжается как бы...

Октябрь 13 2012 г.

Наставление Орфею

Ниточку тонкую – зацепи
за дверной косяк, чтобы путь обратно
не казался долгим. На том пути
лишь она и выручит, вероятно.
Узелок на память себе свяжи
из цветных лоскутков – на дорогу,
чтобы, вдруг нашедши тебя в глуши,
опознали те, кто ругал с порога —
«Не ходи – заблудишься – в тёмный лес...
Не буди уснувшее, было, лихо.
Что тебе от писанных тех чудес?.. —
им ведь главное там, чтобы было тихо».
Собери в котомку свои стихи —
по дороге птицам расскажешь, всеу
если только встретятся на пути,
и большой обиды от них не будет...
Захвати для памяти, не забудь
что-нибудь из прошлой весёлой жизни,
чтобы, если вдруг там закончишь путь —
распознал по приметам тебя Всевышний.

Октябрь 14 2012 г.

«Помнишь, Ты сказал, что всё проходит?»

Помнишь, Ты сказал, что всё проходит?
Я поверил, как в возможность чуда,
как и в то, что время на исходе
дня – щедрее... Старая посуда
бьётся к счастью, говорят, и это
тоже только временная малость,
так сказать – вторая жизнь предмета
в мусорном ведре... Всё, что осталось.
Всё проходит, говоришь – но это
лишь Тобой назначенный подарок,
как к кукушке бегать за ответом —
сколько жить осталось – слишком мало.
Но пройдёт и это! И чернила
высохнут, как облачная влага
на асфальте... Буквы молчаливо
пропитают стёртую бумагу.
И тогда, возможно, будет время
прочитать написанное раньше,
встав, как подобает, на колени,
или став уже по жизни старше.

Октябрь 14 2012 г.

«Мой кот Бартоломео слишком стар...»

Мой кот Бартоломео слишком стар.
Его для упрощенья называю
коротким производным – просто Барт,
когда сосиску утром предлагаю.
Он пережил уже своих мышей,
которые делили с ним пространство
моей квартиры. Тихо, без затей
они поставили его давно на царство,
и он за это их не обижал...
Так мы и жили все в моей квартире.
Теперь нас двое, как уже сказал
я раньше, и, наверно, в целом мире
нет более понятного родства.
Мы утром с ним перебираем почту,
раскладываем так – для баловства
по полочкам, по датам, между прочим.
Потом обедаем и ходим на балкон
смотреть, как дворник листья убирает
слетевшие, и сразу видно, он
их точного количества не знает —
метёт, метёт... Мой кот следит за ним,
тоскливо понимая всю бесцельность
сей процедуры... Вон ещё один
слетает лист, осваивая вечность.
Бартоломео просится домой —
прохладно осенью на стареньком балконе.
И я за ним с поникшей головой,
ещё один день прожит, как в загоне
для отслуживших век свой лошадей...
Барт смотрит телевизор – там погода
с красивой девушкой, и кажется, что ей
наскучила капризная природа
со всеми выкрутасами. Опять
ложиться спать, разглядывая звёзды
сквозь занавеску. Барт мой на кровать
опять запрыгнет и почти серьёзно
посмотрит на меня, потом в окно,
утроится на тёплую подушку
и будет вспоминать, как он давно
уже со мной, как старая игрушка.

Октябрь 17 2012 г.

«За несколько дней ни строчки – свалила простуда...»

За несколько дней ни строчки – свалила простуда.
Вроде ещё не зима, а уже результаты
прогулок без шапки. Коварная температура
засунула под одеяло с тампоном из ваты
в промокшем носу. Даже книги, увы, не спасают —
заглянешь в Иосифа Саныча и непонятно,
от боли в затылке, откуда стихи прорастают,
куда отправляются, не возвращаясь обратно.
Простуда пройдёт, вероятно, на этой неделе.
Останутся только платки и таблетки в кармане,
и томик Иосифа Саныча там, у постели
рядом с малиновым чаем в гранёном стакане.

Октябрь 19 2012 г.

«По запаху никак не распознать...»

По запаху никак не распознать
хозяина жилища. В новом доме
он обитает, как бы не соврать,
всего неделю. Даже на балконе
ещё стоят коробки от вещей.
Он переехал из другой квартиры,
где жил с женой, но, правда, без детей,
как говорят досужие кумиры
подъездных лавок. Видимо, судьба
с ним обошлась не очень деликатно,
сослав его неведомо куда,
откуда путь вдвойне длинней – обратно.
Он переехал, видимо, затем,
чтоб больше никуда не возвращаться...
И запах штукатурки с новых стен
лишь дополнение к глаголу «расставаться».
Тем более, когда из всех вещей,
после раздела, лишь диван и книги
ему достались, видимо, за ней
осталось остальное и интриги
старательных подруг. Осенний лист
слетает на балкон. Он с наслаждением
раскуривает трубку. Чистый лист
готов принять его стихотворенье
о новой жизни, и скрипит перо
уже нигде, нигде не застревая.
Мело, мело... Во все края мело...
И даже здесь, где жизнь уже за краем.

Октябрь 20 2012 г.

Прошло полгода

Странно, но всё ещё жив и глотаю пыль.
В новом пространстве время стучит, как счётчик,
когда под окном ожидающий автомобиль
о чём-то молчит зловеще, что тот налётчик
в универсаме. Ночью гляжу в окно,
привыкаю к пейзажу, учу наизусть рекламу,
примеряю новые звуки, как шарф к пальто,
согреваясь тем, что пейзаж ограничен рамой
и случайным облаком, влипшим в квадрат стекла.
Так случайная бабочка липнет иглой на стену,
не имея больше возможности в два крыла
пересечь пространство, найдя потолок замену.
Как ни странно, но всё ещё чем-то черню листы.
И родной словарь не спешу разменять на новый,
пусть и с детства знакомый. И призрачные мечты
о другом варианте сродни тюфяку с соломой,
и вода из крана, даже если по часовой
убегает прочь, не спеша заползти обратно
на другом континенте, где звезды над головой
пусть и ярче светят, но падают троекратно...

Но как будто светает и новый безумный день,
как хороший дворник, идёт со своей метлою,
продлевая, пока возможно, от солнца тень —
пусть ещё на день, а там, хоть трава травой...

Октябрь 21 2012 г.

«Благодаря листве, двор похож на пустыню —...»

Благодаря листве, двор похож на пустыню —
всюду барханы с протоптанной дорогой.
С другой стороны наполняет коровье вымя
с нежной плотью, но лучше его не трогать.
Лучше путь пустыня – всё равно всё сожгут во вторник,
как ненужный хлам, оставив лишь пепел ветру.
Отмечая конец урожая, угрюмый дворник
вдруг заметит – Зима! И даже закат фиолетов.

Октябрь 21 2012 г.

Зимовка

Где-то на юге, почти в окончании карты,
я остался на зиму, чтобы не греть канаву
где-то на севере с видом на ту эскадру,
что защищает от внешних врагов державу.
Здесь окончание лета ещё ничего не значит.
Солнце в своём зените перебивает осень.
Даже листва, слетая, как с чёрной доски задача —
на пол — не умирает, и ветер её наносит,
как ориентир на карту, где я в самом центре круга,
а по бокам не лучший, но вариант спасенья.
Вино и поднос с хинкали — вот достоянье юга —
это и есть, наверно, зимний варьянт везенья.
Осень, ещё немного, и превратится в лужу.
Лодочки выносят на берег свою посуду.
Видимо, всё же лучший выбор — встречать здесь стужу —
всё-таки край державы и милый пейзаж повсюду.

Октябрь 22 2012 г.

«Империей правит осень, как снами ночь...»

Империей правит осень, как снами ночь.
То ли привычка, то ли прогноз погоды,
то ли то и другое, но сны точь-в-точь
продолжение осени, т. е. – каприз природы.

Ночью здесь правит вымысел, т. е. – бред.
Т. е., если уснул, вариант проснуться
не всегда присутствует, т. е., когда ответ
не в самой подушке, в которую окунуться,

как в ночное облако, и не найти следы,
спутав все карты будням в конце недели,
смяв, как бумагу, ориентир воды
в мокрую простынь со снятой уже постели.

Ночью здесь даже призрак стучит в окно,
чтобы случайно с домом не ошибиться,
чтобы не вышло, как в старом немом кино —
Есть кто живой?.. – а в ответ лишь туман клубится.

Империя, смяв подушку, спит, как дитя.
Редкая птица позволит ночное пенье,
даже случайно, даже почти шутя,
желая сгинуть, как призрак, в ночном забвении.

Ночью, как осень, сползая в сплошные сны,
маленький город – Империя в три обхвата,
прячется в облако, чтобы опять, увы,
не оказаться, как раньше, во всём виноватым,

и не сравняться с кладбищенским строем крестов,
где всё по полочкам – даты рожденья и смерти,
где сообщения почтою, в несколько снов,
приходят досрочно и лишь в деревянном конверте,

как извещение из городского суда,
что ты свидетель, а дальше лишь время и дата,
когда тебя примут... Уже не составит труда —
куда-нибудь прочь из Империи облаком смятым.

Октябрь 23 2012 г.

«Едва народившись, светило уходит прочь —...»

Едва народившись, светило уходит прочь —
короток день зимою. И только утро
сохраняет черты, не смятые за ночь. Ночь —
только лишь часть – не лучшая почему-то.
Ночью все кошки серы и все углы
сглажены светом, т. е. отсутствием света.
Как ни старайся, не разглядеть черты
в мутном пространстве, скомканном до рассвета.
Даже пернатый странник, чьё время – ночь,
жмётся поближе и крышам, к верхушкам сосен,
к колокольне на площади, чей вид норовит точь-в-точь
повторить рисунок ограды, чей вид несносен.
Глядя вокруг, вдруг видишь – сплошная тень
слилась над городом. Ветер, увы, бессилен
что-либо сделать. Колокол целый день
молча глядит на город, как на пустыню.

Октябрь 24 2012 г.

«Чем беспросветнее утро, тем легче жить...»

Чем беспросветнее утро, тем легче жить.
Что будет лучше – нет никакой надежды.
За ночь, успев промокнуть, совсем остыть,
дождь заставляет искать потеплей одежду.
Зонт и перчатки, а лучше совсем – пальто,
сшитое за лето, как и пиджак на полке.
Глядя в пространство улицы, как в ничто,
думаешь, что не хватает одной двустволки
и пары выстрелов, чтобы свести на нет
жизнь и судьбу, как раньше Серёжа с Вовой.
Ну, в крайнем случае, может быть – пистолет...
или... верёвка... связанная подковой.

Октябрь 24 2012 г.

«Вторую неделю осень. Сплошной туман...»

Вторую неделю осень. Сплошной туман.
Дни похожи на смятую за ночь простынь.
Мутное облако, трогая за карман
моего пальто, уплывает куда-то. В восемь
вечера всё ещё кажется, что светло,
но уже фонарь, как будто в концертном зале,
освещают пространство. Город, как в том кино,
заплывает в сумрак. Приезжие на вокзале
трутся о стену, стараясь понять, куда
их занесло. В какой, в этот раз, части света
они оказались? Осенняя ерунда
размывает черты, как, впрочем, и суть предмета.
И вечерний город, привыкнув к осенней мгле
за последнее время, смирившись с толпой приезжих,
различает лица знакомые в толчее,
отличая глаза и, лишь иногда, одежду...
И покуда осень вступает в свои права,
оставляя шанс не сгинуть в небесной каше
завсегдатаю облака, чьи иногда слова
застревают в сумраке, как не сказать в постели —
есть возможность выжить, закутавшись в первом снеге.
И пока холодное, смятое за ночь утро
расправляет черты, проснувшийся человек
начинает жить, и всё хорошо, как будто.

Октябрь 25 2012 г.

«Я посетил места, где рос, где дом с оградой...»

Я посетил места, где рос, где дом с оградой,
как будто навсегда упрятался в листву
каштанов и рябин. Мой дом с фонтаном рядом
такой же горожанин на каменном мосту.
Он так же, как и я, хранит мечты о прошлом
в рисунках на стекле забитого окна —
от прочих, лишних глаз, но мысли о хорошем
живут ещё во мне и берегут меня.
И может быть, теперь, когда, спустя полжизни
я снова посетил заветные места —
я обрету покой в оставленной Отчизне,
как много лет назад, казалось, навсегда.

Октябрь 26 2012 г.

«Звук тихий и глухой —...»

Звук тихий и глухой —
в окно коряво ветка
стучится, как рукой,
прохожий. Человека
не распознать на стук,
как птицу или муху.
Скорей его каблук
доступен ночью слуху.
Откуда бы ни шёл,
куда б ни собирался —
он слышен хорошо.
И даже в шуме станций
так различима «до»
ботинка о брусчатку —
так зоркий глаз в окно
дробит свою сетчатку,
чтоб различить черты,
не узнанные сразу.
Так слух из темноты.
выхватывает сразу...
И ветки тихий стук
в стекло, в пустой квартире
разносится – тук-тук,
но тихо в целом мире.

Октябрь 26 2012 г.

Иосиф и Мария

Медленно, по камушкам ступая,
шли они неведомо куда,
никого вокруг не замечая...
И в кувшине тёплая вода
в такт шагам плескалась. И ослица
по камням выстукивала дробь.
И луна, бессмысленный убийца,
превращала снова воду в кровь...
Так они, стараясь слиться с пылью,
затеряться в толчее дорог —
шли, пытаясь в собственном бессильи
сохранить, что им доверил Бог!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.